

Линь Юй медлить не стал. Бережно уложив бесчувственного Сун Ляньчэня, он поспешил к местному лекарю, набрал целебных снадобий, а после снял комнату в ближайшем трактире. Стоило коридорному принести ушат горячей воды, как Линь Юй принялся осторожно обмывать исхудавшее тело мальчишки. Глядя на него, он лишь тяжело, сокрушенно вздыхал.

Мальчик иссох до такой степени, что сквозь кожу проступали острые ребра. Мало того, все его тело было покрыто жуткими отметинами: на маленьких ладонях вздулись болезненные кровяные мозоли, а израненные стопы покрывала сеть глубоких ссадин. Зрелище пугало и одновременно ранило до глубины души.

В памяти Линь Юя невольно всплыли полные горечи слова старого лекаря, осматривавшего ребенка:

— Грех-то какой... Какое бесчеловечное зверство!

«И не говори, истинное зверство. Ребенок ведь совсем кроха, пяти-шести лет от силы. Какая же тварь могла сотворить такое с младенцем?»

Поначалу Линь Юй принял Сун Ляньчэня за обычного уличного побирушку. Однако характер ран кричал об обратном: мальчик выполнял непосильную, изнуряющую работу и явно подвергался изощренным, жестоким издевательствам. Больше всего на свете он презирал тех, кто поднимает руку на детей. Глядя на беззащитное, безмятежное во сне личико мальчика, он глубоко вдохнул, пытаясь усмирить клокочущую в груди ярость.

Вспомнив наставления старого лекаря, он взял тонкую серебряную иглу и принялся осторожно, один за другим, прокалывать волдыри на крошечных ладонях, после чего тщательно промыл раны и наложил целебную мазь.

Линь Юй старался действовать как можно нежнее, но тонкие пальчики в его ладони то и дело судорожно вздрагивали — ребенок чувствовал боль даже сквозь тяжелое забытие.

— Тише, маленький, не бойся... Сейчас все пройдет, — Линь Юй ласково коснулся его горячего лба. Почувствовав, что мальчик немного успокоился, он вернулся к делу.

Когда с перевязками наконец было покончено, за окном давно сгустилась ночная тьма.

Бросив окровавленную ткань в медный таз, Линь Юй с наслаждением потянулся.

— Ох, ну и намаялся же я...

Он бросил взгляд на приоткрытое окно, сквозь которое пробивались далекие огни оживленной улицы, и мягко провел пальцами по браслету на запястье.

— Что ж, Бай Цзэ, похоже, сегодня мы заночуем здесь.

Поправив одеяло, Линь Юй засмотрелся на спасенного приемыша. Черты лица у того были на редкость тонкими и правильными; даже крайнее истощение не могло скрыть врожденного изящества.

Он осторожно коснулся пальцем кончиков его ресниц и невольно прошептал:

— Надо же, какие опахла... В моем мире девчонки из сети обозвали бы его «ресничным эльфом». Вырастет — отбоя от невест не будет.

Усмехнувшись своим мыслям, он опустил взгляд на серебряный обруч браслета:

— Послушай, Бэйбэй... Малыш ведь совсем один на этом свете. Как думаешь, может, мне усыновить его? Будет у меня названный сын, да и вместе как-то веселее.

Разумеется, запечатанный в артефакте Бай Цзэ безмолвствовал. Поняв, что вести беседу с неодушевленным предметом довольно глупо, Линь Юй вздохнул. Желудок к тому времени уже вовсю подавал голодные сигналы.

Оставив спящего мальчика, Линь Юй решил спуститься в общий зал и наспех перекусить. Однако едва он дошел до лестничного пролета второго этажа, как замер: за столами внизу сидели те самые заклинатели в белоснежных одеждах, которых он приметил днем.

«Какого черта? Они все еще не убрались из города?»

Линь Юй поспешно отступил в тень коридора. К счастью, пронесившийся мимо трактирный слуга с подносом вовремя заметил его. Он призывно махнул ему рукой, подзывая ближе.

Вложив в ладонь паренька несколько серебряных монет, Линь Юй негромко попросил принести ужин прямо в комнату, а заодно заглянуть в лавку готового платья и прикупить пару детских вещей на смену.

— Сдачу оставь себе за хлопоты, — добавил он.

Паренек, просияв от неожиданной щедрости, умчался исполнять поручение.

Плотный ужин и горячая ванна окончательно разморили Линь Юя. К тому моменту, когда он наконец добрался до постели, бледный диск луны уже поднялся высоко в зенит.

Сладко зевнув, он пробормотал:

— Все, спать... Глаза слипаются.

Легким взмахом руки он погасил свечу и улегся рядом с Сун Ляньчэнем. Вскоре в тишине комнаты разнеслось его мерное, глубокое дыхание.

Глубокой ночью Линь Юй беспокойно повернулся на другой бок и закинул руку, на которой тускло поблескивал браслет, на грудь спящего мальчика.

Серебристый свет луны, струившийся сквозь щели в ставнях, выхватил из темноты внезапную вспышку. По металлическому ободку браслета стремительно пробежала лазурная искра и мгновенно растаяла в воздухе. Ни один из спящих этого не заметил.

Когда Сун Ляньчэнь открыл глаза, перед ним предстал совершенно незнакомый потолок. Потребовалось несколько долгих мгновений, чтобы восстановить в памяти цепочку событий.

«Я ведь бежал от ищеек из секты Небесного Сокровенного... Забрался в повозку Лу Хуайцина, а потом меня свалил сильнейший жар. Что было дальше?»

Опустив взгляд, он обнаружил, что его ладони аккуратно перебинтованы чистым холстом. Мальчик недоверчиво нахмурился. Неужели этот надменный ублюдок Лу Хуайцин снизошел до того, чтобы возиться с его ранами? Но с какой стати ему проявлять подобное милосердие?

Сун Ляньчэнь огляделся. В комнате никого не было. Дверь оказалась плотно заперта, но задерживаться здесь он не собирался — нужно было уносить ноги, пока была возможность.

Не теряя времени, он соскользнул на пол. Обуви нигде не было видно, поэтому он побежал к окну босиком. Распахнув створки, он глянул вниз и невольно скривился: высота второго этажа показалась ему непреодолимой. Однако сдаваться мальчик не привык. В его взгляде блеснул огонек — решение созрело мгновенно.

Он как раз затягивал на поясе наспех скрученный из простыни канат, когда дверь со скрипом отворилась.

На пороге стоял Линь Юй с дымящейся пиалой целебного отвара в руках. Несколько секунд они молча смотрели друг на друга. Сун Ляньчэнь сориентировался первым: резко оттолкнувшись от подоконника, он ласточкой выпрыгнул наружу.

Почувствовав порыв свободного ветра, мальчишка уже приготовился победно рассмеяться, однако торжество его длилось недолго. Линь Юй молниеносно перехватил привязанный к раме конец простыни.

Одним резким, не требующим усилий движением он втащил беглеца обратно в комнату и крепко прижал к себе.

— И куда это мы намылились? Я ведь не собираюсь причинять тебе вред, чего ты бежишь? — ласково усмехнулся Линь Юй.

«Да ты меня уже погубил, тварь лицемерная!» — мысленно взвыл Сун Ляньчэнь.

Он побагровел от ярости. Он извернулся всем телом и яростно вцепился ногтями в лицо своего спасителя.

— Пусти! Пусти меня, ублюдок! Сдохни!

Линь Юй резко откинул голову назад, уворачиваясь от разъяренных коготков, и в пару шагов преодолел расстояние до постели, бесцеремонно швырнув буяна на матрас.

Оказавшись на свободе, мальчишка тут же нанес удар ногой, целясь мужчине в челюсть, но Линь Юй ловко перехватил его израненную, перебинтованную стопу. Она была ледяной на ощупь. Линь Юй нахмурился, мысленно обругав себя за недосмотр: одежду-то он купил, а про обувь совсем забыл!

— Тише ты, не брыкайся, — строго осадил его Линь Юй, глядя в его расширенные от злости глаза. — Те псы, что гнались за тобой, все еще внизу. Хочешь поднять шум и привлечь их внимание?

Мальчик мгновенно переменялся в лице. Гнев уступил место настороженности; он медленно поджал под себя ледяные ноги и забился в угол кровати, насупившись и не проронив ни звука.

Линь Юй сполоснул ладони в тазу и как бы невзначай поинтересовался:

— И что же такой карапуз мог натворить, раз за ним охотится целая орава заклинателей?

«Ишь, как прикидывается невинной овечкой... Будто сам не знаешь, за что они меня преследуют! Тварь лицемерная»

Мальчик поправил край бинта на руке и только сейчас обратил внимание на то, во что его нарядили. На нем красовалось девичье нежно-розовое платьице, украшенное кружевами и рюшами на рукавах и подоле. Он скривился от дикой смеси гнева и шока. Он пулей скатился с кровати и бросился к мутному зеркалу у стены.

Линь Юй в это время спокойно вытирал руки полотенцем, не замечая немного потрясения за спиной.

Не дождавшись ответа, Линь Юй не стал настаивать. Он резонно предположил, что этот заморыш, скорее всего, стянул у заносчивых бессмертных какую-нибудь дорогую безделушку, чтобы раздобыть монет на пропитание, да не рассчитал сил и влип в неприятности. Бедолага, ничего не скажешь.

Хотя, когда Линь Юй раздевал его вчера перед купанием, при нем не нашлось ничего ценного — лишь грязные лохмотья да черствый мясной пирожок в пазухе.

Немного поразмыслив, Линь Юй все же решил предостеречь мальчишку:

— Вещи этих господ из благородных кланов бесполезны для простых людей. Ты не сможешь их продать, а себе только наживешь...

— Ты на что намекаешь, урод?! — яростно перебил его мальчик. — Думаешь, я вор?! Да я лучше с голоду сдохну прямо на этой улице, чем притронусь к чужому!

Линь Юй обернулся и наткнулся на полный яростной обиды взгляд. Мальчик тяжело, прерывисто дышал, он густо покраснел, словно его подвергли самому гнусному оскорблению.

После недолгого молчания Линь Юй мягко произнес:

— Прости меня. Я был неправ, когда так подумал. Приношу свои извинения.

Сун Ляньчэнь лишь пренебрежительно фыркнул и демонстративно отвернулся к стене.

Линь Юй подошел ближе и попытался ласково потрепать мальчишку по голове, но тот с яростным шлепком отбил его ладонь.

Линь Юй лишь беззлобно усмехнулся, подтащил ногой колченогий табурет и уселся напротив:

— Ладно, пусть так. Но раз уж я спас тебе жизнь, то имею полное право узнать, почему эти люди устроили на тебя охоту?

«Опять разыгрываешь неведение? Что ж, ладно. Раз уж тебе так нравится ломать комедию, я с удовольствием подыграю»

Он изо всех сил сжал кулаки, так что свежие бинты на ладонях мгновенно окрасились алым. От резкой боли в его глазах тут же заблестели слезы.

Мальчик поднял заплаканное лицо и жалобно, со всхлипами заговорил:

— Братец... На самом деле я сын бедного крестьянина из глухой горной деревушки. Недавно к нам приехали эти люди на белых мечях. Сказали, что ищут одаренных детей для обучения бессмертному пути. Меня тоже выбрали... Но мы же не знали, что они на самом деле конченные мрази!

Он закрыл лицо ладонями, а сам мелко задрожал от рыданий:

— Они морили нас голодом, заставляли пахать как проклятых, избивали до полусмерти... А каждое полнолуние пускали нам кровь и собирали мочу, чтобы подпитывать свои темные ритуалы!

Линь Юй, слушавший эту тираду, ошарашенно замер. Его пальцы, лежавшие на колене, непроизвольно дрогнули.

— Погоди... Кровь и... мочу? — переспросил он, решив, что ослышался.

— Да! — всхлипнул Сун Ляньчэнь, размазывая слезы по щекам. — Эти безумцы верили, что кровь и моча чистых младенцев обладают невероятной духовной силой и помогут им прорвать барьеры совершенствования. Мы не выдержали этих пыток и решили бежать вместе...

Линь Юй нахмурился, чувствуя, как внутри поднимается волна отвращения к этим псевдо-праведникам:

— И что с остальными? Им удалось спастись?

Мальчик поднял на него полные отчаяния глаза. Крупная слеза скатилась по его щеке, и он, закусив губу до белизны, прошептал:

— Сначала все шло хорошо... Но на тракте мы встретили одного путника. Он притворился добрым дяденькой, накормил нас, втерся в доверие, а ночью... просто сдал нас обратно этим палачам за мешок золотых монет! Сам забрал деньги и ушел развлекаться в кабак!

Мальчик внезапно протянул руку и крепко вцепился в рукав Линь Юя, заглядывая ему прямо в душу:

— Братец, скажи... разве тот, кто предал доверие несчастных детей, не последнее ничтожество? Разве он не заслуживает лютой смерти?

Линь Юй тяжело кивнул:

— Безусловно. Последняя мразь.

Сун Ляньчэнь опустил голову, пряча торжествующий блеск в глазах. Он на мгновение едва заметно и зло усмехнулся.

«То-то же, тварь. Подпиши себе приговор сам»

— После этого наша жизнь превратилась в сущий ад, — продолжил он дрожащим, надорванным голосом. — Мои названные братья и сестры умирали один за другим... Я остался совсем один. Вчера мне чудом удалось проскользнуть мимо стражи и сбежать. Они пустились по моим следам... Ну а дальше вы и сами знаете.

Когда повесть подошла к концу, в комнате воцарилось долгое безмолвие. Сун Ляньчэнь пару раз бросил на мужчину испуганные, вороватые взгляды, а затем поспешно сжался, словно боясь получить удар.

Линь Юй мысленно покачал головой.

«Мальчишка — прирожденный актер. Будь мы в моем прежнем мире, он бы без труда взял главный приз на каком-нибудь кинофестивале. Жаль только, что в этот потрясающий перформанс он забыл вложить хоть каплю искренности»

Смена масок у этого ребенка происходила настолько мгновенно и неестественно, что напоминала легкое безумие. Поверить в эту слезливую сказку про священные ритуалы с детской мочой мог разве что законченный идиот.

<http://bllate.org/book/18181/1752225>